

«Дон-Жуана» — в 1820 г., восточные поэмы — в 1820 и 1821 гг., 3-я — 5-я песни «Дон-Жуана» — в 1823, 6-я — 16-я песни «Дон-Жуана» — в 1824 г.

Следует отметить, что переводы эти близко следуют за подлинником, достаточно точно передают его смысл и образы, но, конечно, не стиль и не стиховую фактуру.

Наряду с этим Пушкин многократно обращался к английским оригиналам, имел их в своей библиотеке. Однажды он подарил книгу Байрона В. Д. Соломирскому. А Мицкевич в свою очередь подарил Пушкину «The Works of Lord Byron» (London, 1826). По его словам (мы не обязаны понимать их буквально), Пушкин ему признался, что почувствовал себя поэтом, прочитав байроновского «Корсара».

Недавно выявлены новые данные, свидетельствующие о более серьезном знании Пушкиным английского языка, чем считал Цявловский [11]. В текст «Бориса Годунова» его автор включил сонет, сделав это по образцу «Ромео и Джульетты», причем «по системе Отца нашего — Шекспира» [12, с. 66] поручил этому сонету важные стилистические и композиционные функции [13]. В статье «О „Ромео и Джульетте“ Шекспира» Пушкин специально остановился на функциях сонетов, введенных Шекспиром в текст трагедии [12, с. 83]. По прозаическому французскому переводу он никак не мог бы понять, что английский драматург ввел в текст своей трагедии сонет, тем более — с какими художественными целями его ввел; для этого ему следовало внимательно прочитать трагедию по-английски и глубоко осмыслить ее стилистику.

Таким образом, в 1825 г., в разгар работы над «Евгением Онегиным», Пушкин, судя по всему, читал по-английски достаточно свободно, чтобы адекватно воспринимать произведения английских классиков.

«Евгений Онегин» был задуман в период глубокого кризиса романтического миропонимания, пережитого Пушкиным в южной ссылке.

Вяч. Иванов показал, что встреча поэзии Байрона с русской культурой стала значительным явлением философско-религиозной мысли, предопределила постановку проблемы достойного бытия человека, свободы воли, веры в личного, живого Бога. По его мысли, во времена Пушкина и Лермонтова поэзия Байрона была воспитательной силой русского духа [14]. Усвоение Пушкиным творческой личности Байрона стало явлением в космосе культуры, подобным столкновению двух сверхъярких звезд. Все его последствия не осознаны до сих пор. Отдаленные отзвуки этого определяющего явления в космосе русской культуры неожиданно удается расслышать в байронических настроениях Чехова [15, с. 10].

В южных элегиях и поэмах Пушкин освоил основной романтический потенциал байронизма — элегий и восточных поэм Байрона. (Необходимо вернуться к термину *байронизм*; его употребляли Пушкин, его современники, а потом исследователи до середины XX в.) «Байроновские произведения читаются в это время Пушкиным как исповедь собственного сердца, и потому пушкинский байронизм — это не подражание, а сопереживание» [16, с. 66]. Некоторые произведения Пушкина, написанные в это время, отразили влияние Байрона и связаны с «Евгением Онегиным» интертекстуальными отношениями.

Согласно наблюдениям В. Н. Топорова, отражения творчества Байрона есть уже в «Руслане и Людмиле» [17, с. 208]. «Погасло дневное светило...» — первая русская элегия, имевшая шумный успех именно как байроническая, темой побега от отеческих краев предсказывает строфу 1, L (арабской цифрой будем обозначать главу «Евгения Онегина», латинской — строфу), темой охлаждения чувств — 1, XXXVII—XXXVIII, темой «наперсниц порочных заблуждений» — строфы 1, VIII, 1, X—XII и многие другие эпизоды, «писанные в утомительном роде новейших элегий» [18, с. 638].

Начало прозаического перевода «Гяура» на французский язык и стихотворного на русский, а также стихотворения «К гречанке», где Байрон упомянут как «певец Леилы» (Леила — героиня «Гяура»), ведут к строфе 7, XXII (здесь Байрон обозначен как «Певец Гяура и Жуана»). В «Кавказском пленнике» отношения